

Белый пудель — эпизод 10 из 13

Фью, фью, фью! Арто, назад!

Ты что, Сергей, вопишь? недовольно спросил Лодыжкин, с трудом расправляя затекшую руку.

Собаку мы проспали, вот что! раздраженным голосом грубо ответил мальчик. Пропала собачка.

Он резко свистнул и еще раз закричал протяжно:

Арто-о-о!

Глупости ты выдумываешь!.. Вернется, сказал дедушка. Однако он быстро встал на ноги и стал кричать собаку сердитым, сиплым со сна, старческим фальцетом:

Арто, сюда, собачий сын!

Он торопливо, мелкими, путающимися шажками перебежал через мост и поднялся вверх по шоссе, не переставая звать собаку. Перед ним лежало видное глазу на полверсты, ровное, ярко-белое полотно дороги, но на нем ни одной фигуры, ни одной тени.

Арто! Ар-то-шень-ка! жалобно завыл старик. Но вдруг он остановился, нагнулся низко к дороге и присел на корточки.

Да-а, вот оно какое дело-то! произнес старик упавшим голосом. Сергей! Сережа, поди-ка сюда.

Ну, что там еще? грубо отозвался мальчик, подходя к Лодыжкину. Вчерашний день нашел?

Сережа.... что это такое?.. Вот это, что это такое? Ты понимаешь? еле слышно спрашивал старик.

Он глядел на мальчика жалкими, растерянными глазами, а его рука, показывавшая прямо в землю, ходила во все стороны.

На дороге в белой пыли валялся довольно большой недоеденный огрызок колбасы, а рядом с ним во всех направлениях отпечатались следы собачьих лап.

Свел ведь, подлец, собаку! испуганно прошептал дедушка, все еще сидя на корточках. Никто, как он дело ясное.... Помнишь, давеча у моря-то он все колбасой прикармливал.

Дело ясное, мрачно и со злобой повторил Сергей.

Широко раскрытые глаза дедушки вдруг наполнились крупными слезами и быстро замигали. Он закрыл их руками.

Что же нам теперь делать, Сереженька? А? Делать-то нам что теперь? спрашивал старик, качаясь взад и вперед и беспомощно всхлипывая.

Что делать, что делать! сердито передразнил его Сергей. Вставай, дедушка Лодыжкин, пойдем!..

Пойдем, уныло и покорно повторил старик, подымаясь с земли. Ну что ж, пойдем, Сереженька!

Вышедший из терпения Сергей закричал на старика, как на маленького: Будет тебе, старик, дурака-то валять. Где это видано всамделе, чтобы чужих собак заманивать? Чего ты глазами на меня хлопаешь? Неправду я говорю? Прямо придем и скажем: Подавай назад собаку! А нет к мировому, вот и весь сказ.

К мировому... да... конечно... Это верно, к мировому... с бессмысленной, горькой улыбкой повторял Лодыжкин. Но глаза его неловко и конфузливо забегали. К мировому... да... Только вот что, Сереженька... не выходит это дело... чтобы к мировому...

Как это не выходит? Закон один для всех. Чего им в зубы смотреть? нетерпеливо перебил мальчик.

А ты, Сережа, не того... не сердись на меня. Собаку-то нам с тобой не вернут. Дедушка таинственно понизил голос. Насчет пачпорта я опасаясь. Слыхал, что давеча господин говорил? Спрашивает: А пачпорт у тебя есть? Вот она какая история. А у меня, дедушка сделал испуганное лицо и зашептал еле слышно, у меня, Сережа, пачпорт-то чужой.

Как чужой?

То-то вот чужой. Свой я потерял в Таганроге, а может быть, украли его у меня. Года два я потом крутился: прятался, взятки давал, писал прошения...

Наконец вижу, нет никакой моей возможности, живу точно заяц всякого опасаясь. Покою вовсе не стало. А тут в Одессе, в ночлежке, подвернулся один грек. Это, говорит, сущие пустяки. Клади, говорит, старик, на стол двадцать пять рублей, а я тебя навеки пачпортом обеспечу. Раскинул я умом туда-сюда. Эх, думаю, пропадай моя голова. Давай, говорю. И с тех пор, милый мой, вот я и живу по чужому пачпорту.

Ах, дедушка, дедушка! глубоко, со слезами в груди вздохнул Сергей. Собаку мне уж больно жалко... Собака-то уж хороша очень...

Сереженька, родной мой! протянул к нему старик дрожащие руки. Да будь только у меня пачпорт настоящий, разве бы я поглядел, что они генералы? За горло бы взял!.. Как так? Позвольте! Какое имеете полное право чужих собак красть? Какой такой закон на это есть? А теперь нам крышка, Сережа. Приду я в полицию первое дело: Подавай пачпорт! Это ты самарский мещанин Мартын Лодыжкин? Я, вашескродие. А я, братец, и не Лодыжкин вовсе и не мещанин, а крестьянин, Иван Дудкин. А кто таков этот Лодыжкин один бог его ведает. Почем я знаю, может воришка какой или беглый каторжник? Или,

может быть, даже убивец? Нет, Сережа, ничего мы тут не сделаем... Ничего, Сережа...

Голос у дедушки оборвался и захлебнулся.